

богатства, сколько наличие супербогатства у узкого круга лиц; не столько наличие супербогатства, сколько сопряженность обозначенной группы с государственной политикой; важно не столько то, что политическая элита формируется в условиях имущественного ценза, сколько то, что в дальнейшем ею проводится политика в своих, узко корпоративных, интересах и т. д. При этом, в зависимости от воздействия внешних систем или условий, различные комбинации указанных характеристик играют доминирующую роль в проявлении олигархических тенденций либо определяют их отсутствие. Характеристики «богатство» и «власть», являясь базовыми в определении олигархии, таким образом, обладают статусом «обязательных, но недостаточных». Насколько такое утверждение верно, можно проследить, продолжив анализ трансформации олигархических проявлений в других исторических, а главное, в других социально-экономических условиях. Кроме того, представляется необходимым более подробно рассмотреть феномены социальной группы «протоолигархов», т. е. сверхбогачей, сопряженных с властью, а также различие между «протоолигархами», стремящимися к власти, и «олигархами у власти».

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. [WWW document] URL <http://www.snsr.ru/reports/government.shtml> (Февраль 2004г.)
2. Мишель Монтень. Опыты: В 3 кн. – М.: Голос, 1992.
3. Никколо Макиавелли. Государь. / Пер. с ит. – М.: Планета, 1990. 84с.
4. Аквінський, Тома. Коментарі до Арістотелевої “Політики” / Пер. з латини О. Кислюка; Передм. В. Котусенка. – К.: Основи, 2003. – 794 с.
5. Мыслители Греции. От мифа к логике: Сочинения – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во Фолио, 1999. – 832 с.
6. Рассел Бертран. История Западной философии. – Ростов н/Д: «Феникс», 2002. – 992с.
7. История средних веков: Европа / А.Н. Бадак, И.Е. Войнич, Н.М. Волчек и др. – Минск: Харвест, 2000. – 736 с.

ГОЛЬЧЕНКО В. Н.

ИСКУССТВО ОБЩЕНИЯ

Проблема общения рассматривается нами в качестве части более общей, актуальной в теоретическом и практическом смыслах проблемы согласия. Нетрудно заметить, что данный вопрос имеет особое значение в условиях переходного общества, в котором от способности его членов, институтов и организаций находить “общий язык” напрямую зависят перспективы общественного развития. При этом мы исходим из того обстоятельства, что данная проблема получила глубокую научную разработку. Говоря о собственно философском осмыслении общения, укажем, в частности, на известную работу М. С. Когана [См. I]. С учетом этого, данная статья посвящается лишь одному аспекту общения – рассмотрению его как творческого процесса. Отсюда как название статьи, так и главная ее цель: рассмотреть общение как искусство, выступающее в качестве условия согласия и своеобразного “поля” его развертывания.

По большому счету, согласие выступает как способность и готовность обнаружить общий “глас” и на этой основе относиться, общаться, взаимодействовать, понимать. Но, с другой стороны, чтобы выйти на такого рода основу, мы уже должны относиться, общаться и т. д. Поэтому, одним из исходных положений в рассуждениях о согласии есть признание того, что оно органически, внутренне вплетено в контекст человеческого существования, в такой мере органически, что это делает его незаметным, само собою разумеющимся.

Отмечая, что согласие выступает характеристикой человеческого существования, что его следует относить к области человеческих отношений и из этой же области выводить, мы, вместе с тем, не можем игнорировать то обстоятельство, что и само “отношение” есть собственно человеческая характеристика.

Собственно человеческое отношение выступает как единство отнесения и отнесения, или, иными словами, как единство обособления и общения. На этот счет во “Введении к экономическим рукописям 1857-1858 гг. К. Маркс отмечал, что принципиальное отличие человека от животного состоит не только в том, что он есть политическое животное. Человек “не только

животное, которому свойственно общение, но животное, которое только в обществе и может обособляться” [3, 109].

Нет особой необходимости указывать, что у человеческих проявлений имеются известные животные /биологические/ предпосылки, говорить, например, о том, что общение человеческое имеет “естественным” прототипом “общение” в дочеловеческом мире. Это не подлежит сомнению, как и то, что самые серьезные предпосылки могут так и остаться предпосылками, т. е. чем-то гипотетически возможным, если к ним не будет “приложено” то, чему нет аналогов в животном мире. Общение в человеческом виде предполагает обособление хотя бы в том смысле, что оно есть осознание человеком самого себя как общающегося. Человеческое общение, таким образом, содержит в самом себе возможность разобщения – возможность, способную породить проблему согласия. Для животного такой проблемы не существует, поскольку оно изначально буквально слито со своей “общностью” и не выделяет себя из нее. Здесь вполне уместно вспомнить известное замечание К. Маркса о сущности сознательности и идеального как сугубо человеческих проявлений [См. 4, 170]. Правда, в течение длительного времени размышления о человеке как существе сознательном истолковывались преимущественно в вещественно-предметном смысле, как способность предварять непосредственную преобразовательную производственную деятельность созданием идеальных образов. Думаем, что вопрос стоит шире. Сознательной является и собственно интеллектуальная деятельность, т. е. сознательный характер имеет и само сознание. Человек, следовательно, может быть обозначен как существо “дважды” сознательное. Это, конечно, не означает, что всё, что бы человек ни делал, он делает сознанием, даже собственно знание не всегда вырабатывается и используется сознанием. Последнее, тем не менее, не отнимает /не отменяет/ саму способность поступать /потенциально всегда/ именно таким образом.

Применительно к процессам общения-обособления и возникающему в этом процессе феномену согласия было бы большим упрощением считать, что все эти процессы изначально являются плодом сознательного действия. Скорее всего, дело обстоит таким образом, что становление человека в постоянном общении-обособлении есть известное следствие его способности сознания и, вместе с тем, той областью, в которой эта способность реализуется (разворачивается).

Человек, кроме всего прочего, есть существо незавершенное и несовершенно. В незавершенности человека, в его актуальном несовершенстве содержится внутренняя возможность появления проблемы иного, другого, инаковости вообще. Именно в этом “пункте” человек сталкивается с самим собой, т. е. становится собственно человеком. М. К. Мамардашвили в свое время отмечал: «Сознание – это прежде всего сознание иного. Но не в том смысле, что мы сознаем, видим д р у г о й п р е д м е т, а в том смысле, что человек отстранен от привычного ему, обыденного мира, в котором он находится. В этот момент человек смотрит на него как бы глазами другого мира, и он начинает казаться непривычным, не само собою разумеющимся” [2, с. 38].

Иной /иное/ есть таковым именно по отношению ко мне, но это не просто нечто другое, а то, что способно увидеть меня со стороны, т. е. это есть “Я”, наблюдающее само себя. Оно не есть нечто чужое, чуждое мне, а выступает как “мое-другое-Я”. Имеет большое значение, что “Я” отпускает себя с тем, чтобы с позиций “не-Я” осознать себя как “Я” и вновь вернуться к самому себе. Но если такому собственному удвоению “Я” нет какого-то ограничителя, то “не-Я” имеет все возможности не возвратиться к тому, по отношению к чему оно является иным. Такого рода ограничитель выступает не в виде некоего препятствия, не позволяющего “покинуть” самого себя, а как своеобразное напоминание о том, что “Я” обязано само к себе вернуться. Роль такого ограничителя может исполнять лишь то, что подобно мне, похоже на меня, равно мне самому. Имеет смысл поэтому вести речь об ином как о другом – особом зеркале, способном отразить меня для самого себя. Чтобы стать “Я” мне необходимо постоянно быть в соприкосновении, даже столкновении с тем, что меня одновременно и ограничивает, и, вместе с тем, делает безграничным. Поэтому “Я”, чтобы оставаться в таком качестве, вынуждено постоянно держать себя в напряжении: все, что есть вне меня, ежесекундно напоминает мне о том, что “Я” есть. Следовательно, чтобы быть “Я”, требуется каждый раз “забывать” о себе самом и, в то же самое время, “помнить” об этом. Такое не совсем естественное состояние есть именно человеческое состояние – это есть оглушающий самого себя крик бытия о самом себе. Этот крик-на-поминание внутренне противоречив: он до того громок и слышим, что его невозможно услышать. В этом смысле человек есть то, что способно громко молчать.

Мир человека потенциально настолько богат, что не в состоянии охватить сам себя. Поэтому человек постоянно идет к самому себе, не зная до конца ни того, что он идет, ни того, куда он идет. Думается, что именно в процессе движения к себе, в “установлении” себя коренится вопрос, который может быть назван проблемой согласия. Это вопрос о том, как заявить о себе самом самому себе /и другим/, не лишая при этом точно такого же права другого, который точно так же, как и размышляющий об этом, пытается утвердить себя в точно таком же качестве.

Действительное согласие и единство людей не сводится к внешним, формально-организованным проявлениям. Как правило, оно незаметно, невидимо, но от этого не становится менее значимым, чем-то, что бросается в глаза. При этом подчеркнем, что общение людей как осуществление их единства и согласия, является для них такой же “органической” необходимостью, как и возможность дышать. Человек в “норме” не замечает этой своей способности: пока он просто дышит – общается, не испытывая к этому каких-либо препятствий или затруднений, ему нет дела до того, как это происходит. Потерять возможность и способность общения означает для человека то же самое, что перестать дышать. Выходит, что никакое количество формальных связей и отношений, в которые вступают люди не способно компенсировать отсутствие или уменьшение способности невидимого, незаметного общения, особого рода близости людей, даже и далеких друг от друга. Обратим внимание на то обстоятельство, что действительная близость и единство людей являются чрезвычайно “хрупкими” образованиями, что это жизненно необходимое для человека “сверхчувственное”, не способное отлиться в какие-либо прочные формы. Именно поэтому достижение между людьми действительного понимания друг друга, осмысление ими своего единства, достижение согласия являются невероятно сложным делом, а сохранение того, что в этом плане достигается, требует огромных усилий. Последнее замечание может быть истолковано как косвенное доказательство того, что человеку по своей сути и природе более естественно быть в разладе и враждебности с себе подобными, а все, что касается единства и согласия, выступает как нечто навязываемое, не находящее в человеке “органического” отклика. И хотя отношение к такому заключению напрашивается однозначно отрицательное, доказать это очень нелегко, особенно на фоне постоянно сопровождающей человечество в его истории враждебности, насилия, деструктивности и т. п.

Парадокс заключается в том, что человек, ощущая постоянную жизненную потребность в другом, более того, не будучи от природы вооруженным для ведения неустанной борьбы с другими, тем не менее предпочитает то, что явно идет во вред ему. В такого рода парадоксальности проявляется слабость человека. Человек слаб, но не в привычном физическом, биологическом и проч. отношениях. Его слабость есть сугубо человеческой – она лежит в плоскости крайней неопределенности богатства потенциально присущих ему возможностей и способностей. Прежде всего, человек слаб своей конечностью перед лицом бесконечности. Иными словами, слабостью мы считаем мизерность реального использования человеком потенциально присущего ему могущества. Конечно, как могущественнейший фактор, человек себя проявил достаточно, но направленность использования его могущества такова, что она как раз и свидетельствует о его слабости по отношению к самому себе: человек оказывается силой, способной подчинить себе все, что угодно, кроме самого себя. Более того, человек оказывается на практике более готовым оказаться в подчинении у чего /кого угодно, но только не у самого себя. Уже здесь обнаруживается объяснение того, что объективная связанность людей, их взаимозависимость как важнейшее условие существования и развития, в реальности воплощаются в разнообразных формах разлада, разобщенности, непонимания.

В общении люди идут друг другу навстречу из своей уединенности, но узнают они о своей уединенности лишь в момент, в ходе и в результате встречи-общения. Справедливо поэтому считать, что человек не может стать самим собой, не вступая в общение, и не может вступать в общение, не будучи уединенным. Уединение выступает как условие общения, как момент “самособойности” человека. Другой в общении показывает мне, кто я есть в своей единичности и самости.

С учетом сказанного, общение-коммуникацию следует рассматривать как внутренне противоречивое явление: это одновременно и первейшая жизненная потребность, и необходимость для человека и человечества, условие человеческого бытия, но в нем содержится столь же внутренне, органически известная опасность утраты самости, “самособойности”. Иными словами, при определенных условиях общение может стать тем, что покушается на его

собственное условие – на уединенность человека. Имеет место, таким образом, опасность для человека потерять себя в попытке стать самим собой. Слабость человека в данной ситуации состоит в том, что его страшит как сама возможность “раствориться” в другом, так и неопределенность этой опасности, поскольку она подстерегает его повсюду и отовсюду. Человек “встречает” другого человека одновременно в качестве единичности и всеобщности. Конкретный “встреченный” Иван или Петр является, в то же время, и воплощением человеческого как такового. Способность такого восприятия и способность выступать своеобразным двойственным объектом такого восприятия суть специфически человеческие способности. В силу этого, только человеку свойственно постоянно сталкиваться с крайностями своего собственного существования, “метаться”, в частности, между индивидуализмом и коллективизмом, между эгоизмом и альтруизмом.

Действительное общение людей, их со-существование в со-обществе возможны лишь там и тогда, где и когда между указанными крайностями устанавливается особая мера, когда имеет место их взаимное уравнивание, когда они выступают взаимоотношающе. Общение в таком смысле есть постоянное нахождение и удержание такой меры, а сама эта мера может рассматриваться как эквивалент согласия-понимания. Речь идет о внутренне творческом процессе постоянного поиска, т.к. здесь нет возможности заранее четко определить количественные параметры меры-согласия. В этом вся прелесть и вся сложность человеческого существования в общении и в со-обществе.

Понятие общения-коммуникации содержит в себе возможность созидания, творчества того нового, чего нет в каждом отдельном участнике этого процесса, рассматриваемом в его единичности. Здесь появляется некая добавка к простой сумме “Я” и “Ты”, некоторое приращение, выявление и восприятие которого представляет собой большую сложность в силу его неприметности, его явно неосознанного характера. Это есть постоянно ускользающее от какой-либо материализации, овеществления и четкой локализации “третье” или “Мы”, которое при всей его хрупкости, тем не менее, столь же объективно и значимо, как и все то, что имеет зафиксированную форму и материальное воплощение.

В процессе общения взаимодействия и взаимоотношения имеют симметричный характер. Эта симметрия может быть понята лишь в том случае, когда речь идет о равных в своих проявлениях сторонах. Но как совместить соображения о равенстве и равности как условия действительного общения с тем, что постоянно подчеркивается необходимость и значимость для того же общения инаковости, неравной самости? Следует, вероятнее всего, говорить о том, что человек равен самому себе и другому в его духовности, в способности выступать носителем духа. В общении-коммуникации люди выступают в качестве духовных сущностей, хотя вполне понятно, что дух постоянно “отягощается” материей, объективируется, опредмечивается и т. д., что, однако, не лишает его духовности, не делает его непосредственно материальным, вещественным. Именно в этом смысле и есть возможность говорить о равенстве общающихся и со-общающихся. Общение есть способ и процесс развертывания этой равности. Конечно, нельзя при этом представлять общение как чисто духовную деятельность, как череду мыслительных операций, однако, по своей сути, по крайней мере, в своем “начале” и в своем “конце”, оно есть активность разума (духа).

К пониманию равенства общающихся в их духовности следует добавить и то, что они уравниваются в качестве экзистенций, выявляющих себя в таком качестве друг через друга. Они равно существуют и со-существуют не за счет друг друга, а именно благодаря друг другу. Дух безграничен по своей сути и в своих проявлениях, поэтому равенство в духовном бытийствовании есть равенство бесконечных возможностей и потому не есть уравнивание, нивелирование, а содержит в самом себе возможность и неизбежность разности и инаковости.

Безграничность духа означает, что единственное, что его может ограничить, – лишь он сам. Он сам себе ставит пределы и постоянно выходит за них. Отсюда вытекает возможность того, что в каждом отдельном единичном случае общения-взаимодействия не всегда осуществляется удержание в единстве “Я”, “другого” и “третьего” каждым участником этого процесса. Поэтому симметричность в общении есть его необходимейшая предпосылка, но не заданность. Не любое взаимодействие есть общение: чтобы достичь уровня общения, взаимодействие должно преодолеть внутренне присущую ему возможность разлада (а она всегда потенциально присутствует), когда во взаимодействии люди не доходят до признания и понимания равности друг другу.

“Встреча” людей происходит “первоначально” независимо от того, хотя бы они этого или нет. В этом смысле она выступает как действительно объективное основание для становления и развития человека и человечества. Однако объективность содержит в себе и слепую игру случая. В таком плане приобретает жизненно важное значение придание сознательного характера и отношения к “строительству” общения. Осмыслению в этом случае подлежит прежде всего то, что взаимодействие и взаимоотношение людей имеют своей внутренней сутью сообщение, т. е. извещение, объявление о себе каждому каждому. Каждое “Я” обречено заявить о себе /сообщить/ миру с тем, чтобы узнать себя в нем, а тем самым сохранить и себя, и мир. Особым предметом осознания при этом должно стать представление о потенциальной бесконечности этого процесса. Это способно в какой-то мере предотвратить опасные последствия чрезмерного увлечения человеком своими достижениями и, особенно, всего того, что связано с необоснованными надеждами на собственную научно-техническую мощь. Особого внимания в этом смысле заслуживают процессы компьютеризации и попытки создания “искусственного интеллекта”. Не детализируя, отметим, что новейшие достижения человеческого разума позволяют говорить о таких широких возможностях коммуникации, которые делают все более сложным и все более недоступным общение людей друг с другом и человека с самим собой. Возникает ситуация, когда формируется особого рода общение... без общающихся. По большому счету, речь идет не об общении, а некоем результате его, оторвавшемся от его участников, обретшим самостоятельное существование, не просто вставшим над общающимися, а подчиняющем их себе. В этой ситуации и проблема согласия приобретает особый вид: она становится процедурой поиска общего языка, понятного, прежде всего, машине, переставая при этом быть характеристикой человеческих отношений. В этом смысле человеческое теряет свою специфику и становится вне-человечным и даже бес-человечным.

Парадокс, заключающийся в том, что невиданное расширение коммуникативных возможностей человека сопровождается уменьшением возможностей и способности человеческого общения, возникновением на пути его осуществления качественно новых препятствий, требует рассмотреть различия между “коммуникацией” и “общением” – понятиями, которые до данного момента употреблялись как тождественные друг другу.

Коммуникация по своей сути есть выражение связности всего со всем, единства всего сущего. В ней слиты воедино наличность связи, потенциальная бесконечность разнообразных ее проявлений и сама возможность реализации этого потенциала. Поэтому, если сравнивать по объему названные понятия, то более широким следует считать именно коммуникацию: общение есть коммуникация, однако не всякая коммуникация есть общение. Коммуникацию следует рассматривать, скорее всего, как объективную необходимость самого человеческого существования и как способ обнаружения и раскрытия им своей сути.

Повторим известное: общество не есть механическая сумма составляющих его индивидов. Любое множество их есть величина конечная, обозримая, и потому ограниченная. Что-то большее, чем просто сумму, отсюда вывести невозможно. Иное дело, когда речь заходит об отношениях, взаимосвязях, взаимодействиях индивидов. Их, в любом случае, не просто больше, чем общающихся индивидов. Речь может идти уже об их бесчисленности, качественной потенциальной бесконечности. В таком понимании общество есть постоянно открытая возможность коммуникаций. Здесь обнаруживается основание для того, чтобы к а ж д ы й человек имел возможность выявляться как единство своей индивидуальной конкретности, конечности и, в то же время, быть представителем человечества, выступать конкретным носителем абстрактной человечности, которая в действительности есть органическое сочетание чувственности и сверхчувственности. Человечное по своей сути есть нечто такое, что не может быть в одно и то же время без и вне человека и не может быть сведено к человеку в его конкретности.

Не претендуя на определение сущности понятия “коммуникация”, мы обозначаем ее как необходимую и неизбежную для существования человека и человечества связность людей, через которую и в которой они только и имеют возможность проявить себя в качестве людей, реализовать свои человеческие качества. На уровне человеческой коммуникации эта неизбежная связь является проявлением взаимозависимости и взаимообусловленности всего сущего. В этом смысле само наличие и необходимость связей не есть нечто, присущее только человеку. Качественные особенности появляются с того пункта, где мы фиксируем, что имеет место уже не просто связь и взаимозависимость, но связь людей, межчеловеческая взаимозависимость и взаимообусловленность. Можно говорить, что люди в своей коммуникации в полной мере

опираются и наследуют естественные связи, однако, это происходит на ином уровне – не-естественном или, скорее, сверхъестественном. В этом смысле все отношения между людьми имеют одновременно и естественный, и сверхъестественный характер, из чего вытекают серьезные следствия. Появляется проблема, не имеющая аналога во вне-человеческом мире – проблема непредустановленности, не-предопределенности того, что в до-человеческом и вне-человеческом мире осуществляется само по себе.

Поистине человеческий облик, свою “сверхъестественность” коммуникация выявляет, становясь общением. Если коммуникация есть то, в чем люди пребывают даже независимо от того, желают ли они быть во взаимозависимости, то общение предполагает существенную “прибавку” к объективности коммуникации изрядной доли субъективности. Скорее всего, с этого момента выявляется необходимость согласия и соответствующая проблема.

Естественно, что и коммуникация, и общение суть проявления человеческой деятельности. Но, если в коммуникации и через нее человек проявляет себя как человек, становится человеком, то в общении и через него он превращает себя в субъекта. Гипотетически возможна постановка вопроса: что чему здесь предшествует или предваряет? Является ли свойственная человеку субъективность предпосылкой общения или же субъективность является следствием процесса общения? Скорее всего, речь здесь не может идти о какой-либо очередности. Одно в данном случае проявляет себя через другое, и потому разделить субъект и общение можно лишь условно.

Общение есть человеческая деятельность по достижению и повышению общности. В этом смысле, общение, несмотря на то, что оно может принимать различные формы, имеет место там, где осуществляется процесс, содержанием и целью которого есть достижение общности /или повышение уровня общности/ действующих субъектов их свободными совокупными усилиями при сохранении неповторимой индивидуальности каждого. Этим, подчеркивает М.С. Каган, “общение отличается и от коммуникации, и от управления, и от обслуживания, то есть от всех форм человеческих взаимоотношений, которые строятся не на межсубъектной основе, и именно это делает общение специфически человеческим способом поведения, качественно преобразовавшим биологические связи особей и популяций” [1, 163].

Общение, следовательно, есть не только сугубо человеческая способность, оно по своей сути является межсубъектным взаимоотношением. Поэтому, если, говоря о коммуникации, мы обращаем основное внимание на связь, взаимозависимость, отношение, то при рассмотрении общения упор делает на субъектность отношений. Может, конечно, возникнуть сомнение: не есть ли подчеркивание субъективности принижением или даже игнорированием объективности как самого процесса общения, так и его характера и содержания? Думается, что оснований для подобного рода опасений нет уже хотя бы потому, что вести речь о субъекте по определению возможно лишь в его сопоставлении с объектом: они органично предполагают друг друга. Нечто приобретает черты объективности не в силу того, что оно есть само по себе, но только будучи сопоставлено /противо-поставлено/ субъекту. Точно также о субъективности кого-то /чего-то/ имеет смысл говорить лишь в его соотносительности с “внешним” по отношению к нему объектом.

Общение не может не опираться на открытость, на откровенность, на доверие “партнеров”. Каждая из названных черт нуждается в особом рассмотрении. Обратим в данном случае внимание на то, что общение по своему содержанию и своей направленности носит своеобразный “исповедальный характер”, это – встреча двух исповедей. Отдаем себе отчет в том, что такое понимание дает повод сформулировать вывод следующего рода: общение не имеет ни одного атрибута реальности и должно быть отнесено к области утопии, фантастики, безнадежного мечтания и необоснованного желания. Момент истины в таком выводе имеется, хотя, казалось бы, он лишает всякого смысла любой разговор об общении, о понимании, о согласии. Упоминание о том, что мы имеем здесь дело с чем-то нереальным (или не совсем реальным) удерживает, по крайней мере, от соблазна свести суть и смысл общения к контакту, к передаче информации, пусть даже наиважнейшей, к монологу, даже самому откровенному.

Может быть, самая большая сложность в понимании общения и понимании понимания состоит в том, что речь идет несомненно о реальностях, но реальностях особого толка. Это – постоянно возникающая и постоянно исчезающая реальность. Ее “неуловимость” обусловлена тем, что общение есть то, что идет от духа, проистекает из души. Конечно, речь не о том, что общением можно назвать лишь те межсубъективные взаимодействия, которые совершаются исключительно в духовной сфере. Имеется в виду, что взаимодействия людей в различных сферах лишь тогда могут претендовать на статус общения, когда они “освящены” духом.

Общение представляет собой искусство постоянного “взаиморазглядывания” человеком человека. Человек “отражается” в другом, но есть существенное различие между отражаемым и отраженным: действительно, в другом я вижу собственное отражение, но это не то же самое “Я”, а именно отраженное / в зеркале – в самом обыденном смысле этого слова – я вижу, конечно, себя, но это не мое “Я”/ “Я”, т. е. это как бы “Я”, не отменяющее “другого”. Это уточнение позволяет уяснить “механизм” возврата отраженного “Я” к отражаемому, без которого действительно “Я” ушло бы во внешнюю бесконечность и как таковое перестало бы быть собой, точнее, и не стало бы таковым. Но если остановиться только на этой стороне, то возникает проблема, что “Я” просто не может развернуться и, опять-таки, не состоится в таком качестве.

Выход видится в том, что в той же мере, в какой другой служит “зеркалом” для меня, в котором я вижу свое отражение и свою человечность, я для другого “служу” таким же зеркалом и отражаю другого для того, чтобы он обнаружил во мне свою собственную человечность. Сказать поэтому, что другой во всей его конкретности служит для меня формой проявления рода “человек”, – значит сказать только половину дела. Точно так же, такую же роль играет по отношению к другому моя индивидуальная конкретность. Может быть, именно здесь мы обнаруживаем смысл “человеческого”, не сводимого к сумме конкретных “человеков”, и которое обычно обозначается либо как “сущность” человека, либо как его “природа”. Она /эта “сущность” или “природа”/ не есть некий внутренний, неизменный “стержень”, заложенный в каждого человека неизвестно кем и непонятно когда. “Человеческое” есть неуловимое и неосязаемое единство конкретной абстрактности другого для меня и абстрактной конкретности меня для другого. Оно непосредственно не воспринимаемо, “бестелесно” и, тем не менее, реально в той же степени, в какой реальны конкретные, “во плоти и крови”, индивиды. Человеческое постоянно присутствует и проявляется на “переходах” “Я – другой”, “другой – Я” – в процессе, который мы и обозначаем в качестве общения.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Каган М. С. Мир общения: Проблема межсубъектных отношений. – М.: Политиздат, 1988. – 319 с.
2. Мамардашвили М. К. Проблема сознания и философское призвание // Вопросы философии, 1988. – № 8. – С. 37-47.
3. Маркс К. Введение к экономическим рукописям 1857-1858 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения: В 9 т. – М.: Политиздат, 1986. – Т. 4.
4. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения: В 9 т. – М.: Политиздат, 1987. – Т. 7.

ПОВЗЛО А. Н.

ДИАЛЕКТИКА ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И ЭКЗИСТЕНЦИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Украинское общество в этот сложный для своей страны период развития находится в довольно неопределенном и противоречивом состоянии. В переходный этап нашего общества к рыночным отношениям, которые необходимы государству для оздоровления экономики, параллельно с позитивными тенденциями и в производстве, и в социуме, значительно усилились стихийные мотивы жизнедеятельности людей, связанные, с одной стороны, с гипертрофированной переоценкой, а с другой стороны, с непозволительной недооценкой преимуществ государственной жизни, государственного строительства. Это особенно негативно проявилось и отобразилось, как это ни странно, в виде “пораженческого настроения” и сознательного отстранения самих институтов государственности от тех конкретных дел, забот и проблем, которыми живет наше общество в период его реформирования (это, прежде всего, касается либерализации экономики и грабительского осуществления финансовой политики в 90-е годы XX столетия, когда думали, что спасительный “рынок” поднимет цены в 2-3 раза, а они взлетели в десятки тысяч раз). В результате невыгодным для людей образом стала деформироваться вся система государственного управления обществом. В социальной практике наиболее больно эта бессистемность ударила и затронула интересы отечественной культуры, образования, науки и воспитания.